

УДК 159.9.01
ББК 88.3

ВРЕМЕННЫЕ И СОБЫТИЙНЫЕ НОРМЫ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ: TIMING¹

Курышева Ольга Васильевна

Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
Волгоградского государственного университета
o.kurysheva@yandex.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Змиевская Анастасия Александровна

Педагог-психолог МОУ «Детский сад № 368»
nastyia-psycholog@mail.ru
ул. Быстрова, 56, 400059 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ временных и событийных норм жизненного пути в контексте зарубежного подхода, получившего название «тайминг». Тайминг включает в себя нормативные характеристики времени наступления ключевых жизненных событий, а также их содержание и порядок реализации на разных этапах жизненного пути. Доказывается, что следование нормативным жизненным расписаниям играет важную роль в построении субъективной картины жизненного пути и влияет на социальное самочувствие и удовлетворенность жизнью. Анализируются современные трансформации нормативных характеристик жизненного пути, присущие постмодернистскому обществу – размывание нормативных траекторий, вариативный характер жизненных расписаний, дестандартизация жизненного пути. Рассматривается феномен индивидуализации жизненного пути.

Ключевые слова: жизненный путь, возрастные нормы, тайминг, жизненные расписания, социальные часы, индивидуализация жизненного пути.

В современной психологии категория «жизненный путь» получила достаточно широкое распространение. Являясь сложным многоаспектным феноменом, жизненный путь рассматривается с различных точек зрения: в контексте времени жизни личности (К.А. Абульханова-Славская, А.А. Бочавер, Е.И. Головаха, В.И. Ковалев, Б.Уриен), как особая характеристика возрастного развития (Р. Гулд, Д. Левинсон, Д. МакАдамс, Р. Хэвигхерст), с позиции анализа жизненных событий (Р.А. Ахмеров, А.А. Кроник, Н.А. Логинова, В.В. Нуркова, Р. Рейх, Х. Риз Т. Холмс).

В контексте проблематики жизненного пути представлены такие ключевые категории, как «переживание» (С.Л. Рубинштейн), «психологическое время» (К.А. Абульханова, Т.Н. Березина), «биография» (Н.Н. Логинова), «трансформация» (J. Elder) и многие другие.

Говоря о различиях в понимании жизненного пути зарубежной и отечественной психологией, можно отметить, что в зарубежной психологии жизненный путь, как правило, понимается как определенная последовательность событий и ролевых изменений («transitions»),

которые происходят с человеком от его рождения до смерти (J. Elder, H. Pallas). Такой подход преимущественно сопряжен с количественными исследовательскими стратегиями. Отечественные авторы в большей степени акцентируют внимание на вопросах, связанных с качественными методами исследования. Например, это анализ субъективной картины жизненного пути (Б.Г. Ананьев, К. Левин, Ж. Нюттен, С.Л. Рубинштейн, Х. Томэ, Л. Франк), представление индивида о своем прошлом и будущем (А.А. Бочавер, В.В. Нуркова, Л.А. Регуш), поиск причинно-следственных связей между событиями жизненного пути (Е.И. Головаха, А.А. Кроник).

Одним из принципиальных вопросов теории жизненного пути является анализ закономерностей времени наступления определенных жизненных событий и их последовательности, которые обуславливают нормативные характеристики жизненного пути. В большей мере эта идея реализована в зарубежной психологии в рамках направления, получившего название «тайминг» (timing) – от английского слова «time» – время. В основе теории тайминга лежит утверждение, что одни и те же жизненные события могут оказывать совершенно разное влияние на жизнь человека в зависимости от того, в какое время они произошли [7; 12; 13].

Например, установлено, что раннее вступление во взрослую жизнь – уход из родительского дома, вступление в брак и рождение ребенка в раннем возрасте оказывает негативное влияние на психическое здоровье человека. Дж. Элдер доказывает, что военнослужащие, поступившие на военную службу в молодом возрасте, демонстрируют в старших возрастах высокий уровень психологической устойчивости. Более того, ранний опыт лидерства и приобретение различных навыков со временем делает их более успешными. Напротив, военные, поступившие на службу в зрелом возрасте, имеют повышенный риск психологического срыва, поскольку не могут извлечь достаточного количества выгод из опыта службы [6].

По мнению Х. Глен и Дж. Элдер, тайминг является одним из ключевых вопросов теории жизненного пути. Авторы считают, что жизненный путь необходимо изучать целост-

но и контекстуально. Важнейшими параметрами в этом случае должны выступать социокультурная, историческая среда, в которой разворачивается жизненный путь личности, взаимосвязь с жизненными путями значимых других, личная ответственность за выбор и планирование своего жизненного пути, а также время наступления жизненных событий и изменений их порядка на протяжении жизненного пути (тайминг) [6].

Таким образом, тайминг включает в себя нормативные характеристики времени наступления ключевых жизненных событий, а также их содержание и порядок реализации на разных этапах жизненного пути. Эти характеристики связаны с социокультурным и историческим своеобразием конкретной эпохи, в которой протекает жизненный путь. Они отражают те традиционные и новаторские тенденции, которые характерны для конкретной социокультурной ситуации. В связи с этим чаще всего они рассматриваются в контексте возрастных норм и ожиданий, отражающих типичные для данной социокультурной ситуации временные рамки наступления значимых событий, их содержание и последовательность реализации.

Первые научные исследования возрастных норм и ожиданий представлены в работах Б. Ньюгартен. Автор отмечает, что любой взрослый человек имеет определенные ожидания относительно жизненного пути: какие события и в какие сроки должны происходить. Жизненные события, происходящие «вовремя», не вызывают жизненного кризиса. Однако при несвоевременном наступлении события, ожидания относительно «правильного» ритма жизни не сбываются. Ранняя потеря родителя, поздний брак, раннее рождение ребенка, серьезная болезнь в ранней взрослости – все это приводит к тому, что традиционное расписание жизни рушится. Вызывая социальные и психологические проблемы. Косвенным подтверждением этого является то, что в речи есть устойчивые фразы наподобие «он уже в том возрасте, когда пора...» или, наоборот, «в ее годы уже слишком поздно...» [12].

Все эти факты говорят о том, что существуют некие «социальные часы», которые являются мерилем своевременности возникновения того или иного жизненного события.

Например, В. Голдберг, рассматривая с точки зрения теории социальных часов проблему отцовства, подчеркивает, что время рождения ребенка существенно влияет на различные параметры жизни мужчины, в том числе удовлетворенность жизнью, отношения с ребенком, собственный образ отца и в целом адаптацию к отцовству [8].

Н. Шлоссберг отмечает, что соответствие жизненных событий социальным часам дает человеку ощущение устойчивости и спокойствия. В случае если события нашей жизни случаются вовремя, мы чувствуем, что все в порядке. Однако как только что-то идет не по плану, мы начинаем беспокоиться. Причину этого дискомфорта автор видит в жесткости и излишней нормативности социальных часов [16].

Похожие идеи высказаны в работах В.Н. Кузьминых. Автор отмечает, что «сегодня целостная и единая социальная идентичность, сформированная в детстве и структурирующая ценностную иерархию на всю последующую жизнь, из базовой опоры самости превращается в обузу, мешая «гибкости», необходимой для выживания в современном обществе» [4, с. 40].

Р. Сеттерстейн и Дж. Хейгестада обнаружили, что, по мнению людей, каждое жизненное событие имеет «дедлайн» – крайний срок, возраст, когда оно обязательно должно произойти. Ими были установлены основные жизненные события, для которых крайний срок наступления имеет особое значение. Что касается гендерных различий, то они оказались в пределах статистической погрешности. Среди основных жизненных событий были перечислены такие, как уход из родительского дома (оптимальным возрастом для этого женщины назвали 22 года, мужчины – 21 год); брак (женщины – 26 лет, мужчины – 28); рождение первого ребенка (женщины – 28 лет, мужчины – 29); окончание заботы о ребенке, выпуск его из «семейного гнезда» (женщины – 39 лет, мужчины – 41 год); появление внуков (женщины – 51, мужчины – 52 года).

Исследователи также обнаружили, что, несмотря на осознание возрастных норм в рамках прохождения важных жизненных событий, респонденты не видели ничего негативного в нарушении «дедлайнов». По всей

видимости, заключают авторы, это происходит в связи с отсутствием каких-либо санкций за нарушение сроков наступления событий, а также в гибкости самих жизненных расписаний. Таким образом, Р. Сеттерстейн и Дж. Хейгестада приходят к выводу, что хотя культурные расписания и возрастные нормы могут быть важной силой, структурирующей жизненный путь, их влияние может оказаться вторичным. Возможно, индивидуальные жизненные расписания являются куда более гибкими, чем принято думать [11].

Несмотря на то, что существование «социальных часов» как субъективных репрезентаций нормативного времени наступления жизненных событий было доказано в широком круге исследований, эта проблема до сих пор не имеет однозначного решения. Исследователями были получены противоречивые данные относительно влияния этого феномена на реальную траекторию жизненного пути человека. Так, например, К. Рук, Р. Каталано и Д. Дулей исследовали влияние рассогласования с социальными часами сроков реализации значимых жизненных событий. В результате было установлено, что социальные часы не играют в этом процессе никакой роли [15].

Тем не менее, происходит ли определенное жизненное событие в соответствии с нормативным временем или нет, каковы реальные сроки реализации жизненного события и насколько они отклоняются от нормативных временных параметров – все эти факторы играют важную роль в построении субъективной картины жизненного пути и в целом влияют на удовлетворенность жизнью.

Еще одним важным вопросом в теории тайминга является анализ нормативной последовательности жизненных событий. Многие авторы отмечают, что порядок наступления ключевых жизненных событий является одним из важных нормативных показателей траектории жизненного пути. Соответствие этому событийному регламенту способствует повышению уверенности и удовлетворения от жизни, тогда как резкое отклонение от него может принести разочарование и отчуждение.

Изучение нормативного расписания жизненных событий является предметом многих исследований. Так, при изучении перехода к взрослой жизни среди мужчин, рожденных в

период и 1907 по 1952, П. Джексон было обнаружено, что 46 % респондентов сначала закончили обучение, затем начали работать и уже после этого вступили в брак. Именно в такой последовательности располагались эти три основных события, характеризующие переход ко взрослости. Автор назвал такую последовательность «нормативной» для американского общества и сфокусировал свое внимание на групповых различиях, в частности, расовых вариациях прохождения жизненного пути. Так, было установлено, что белокожие мужчины чаще, чем афроамериканцы и испанцы, сначала заканчивали обучение, далее находили работу и только потом женились. Испанцы чаще, чем представители других групп, сначала выходили на работу, а затем получали образование или же получали образование, женились и уже после этого выходили на работу (такая последовательность событий была обозначена как средне-ненормативная). Афроамериканские мужчины чаще других женились в процессе обучения в школе, что обозначено как экстремально ненормативная последовательность событий [9].

Таким образом, существующие исследования доказывают важность возрастных норм и ожиданий относительно жизненного сценария, а также их влияния на удовлетворенность жизнью. Однако, начиная с середины двадцатого века, наблюдается тенденция своеобразного расшатывания нормативных жизненных расписаний. В частности, проведенное в Британии сравнительное исследование двух когорт (1958 и 1970 годов рождения) продемонстрировало растущую тенденцию к отклонению от жизненных стандартов у более поздних поколений, что, по мнению авторов, бросает вызов нормативным представлениям о паттернах жизненного пути. Это отражает тот факт, что в условиях уменьшающихся ограничений и увеличивающейся свободы выбора, жизненный путь человека становится все более варибельным и менее унифицированным феноменом. По мнению Э. Гидденса, жизнь современного человека превращается в своего рода уникальный «проект», все больше отклоняясь от стандартов и нормативов [14].

В.Н. Кузьминых отмечает, что в эпоху модерна, через хронологизацию жизни жиз-

ненный путь преимущественно приводится к стандартизированному «течению нормальной жизни». В этом случае возрастные нормы и ожидания действуют как регуляторы поведения. В обществе позднего модерна ситуация меняется. «Структурные характеристики жизненного пути в обществе позднего модерна достаточно сложны и противоречивы, поскольку объединяются две противоположные тенденции: стандартизация жизненного пути и его принципиальная открытость [4, с. 41].

Похожую точку зрения высказывает Е.Ю. Мещеркина: «демографические показатели малодетности, внебрачной рождаемости, разводимости, процесс сдвига образования семьи у молодых когорт на более поздние возраста, значимые статистически явления отказа от рождения детей или выбор альтернативных форм сожителства или сознательное одиночество свидетельствуют о структурном сдвиге в сторону индивидуального выбора конфигурации жизненного пути и плюрализации жизненных образцов» [5, с. 64].

Таким образом, существующие исследования убедительно доказывают наличие временных и событийных норм жизненного пути, которые содержат в себе информацию относительно того, какие события, когда и в какой последовательности должны происходить в жизни человека. В то же время нормативные предписания и реальный жизненный путь могут расходиться. В этом случае жизненная траектория приобретает индивидуальный характер. Современные исследователи обозначают этот феномен как «индивидуализацию» жизненного пути.

Феномен «индивидуализации» жизненного пути подробно рассматривается в работах Н.В. Гришиной. Автор отмечает, что «индивидуализация» жизненного сценария проявляется в вариативности таких его характеристик, как количество событий, выделяемых человеком в качестве значимых в своей жизненной истории, содержание этих событий (их тип), оценка (восприятие) собственной жизни как дискретного набора событий или единого событийного ряда, обладающего внутренней взаимосвязанностью. Были выделены факторы, оказывающие влияние на вариативность жизненного сценария или связанные с ней. Так, значимым фактором оказался возраст челове-

ка. Было установлено, что в старших возрастах большое значение начинает придаваться социальным событиям и достижениям, связанным с решением жизненных задач. Значение внутренних событий (переживаний), напротив, с возрастом падает. Кроме этого, начинает уменьшаться общее количество событий, оцениваемых в качестве жизненно значимых, происходит их более жесткая оценка. Выявленные тенденции Н.В. Гришина связывает с тем, что раньше жизненные модели подавляющего большинства людей определялись необходимостью решения задач выживания. Именно это задавало универсальные параметры и нормативность жизненных сценариев. С середины XX в., по свидетельству специалистов, наступает «век избытка», позволяющий проявлять свободу выбора и действий. Как следствие, необходимость в жестко структурированных сценариях, направленных на выживание, постепенно отпадает [3].

Анализ существующих исследований проблемы индивидуализации позволяет выделить четыре основных измерения, существенных для объяснения этого феномена.

1. Существует тенденция к ослаблению роли маркеров взрослости. Это выражается в увеличении временного интервала между значимыми жизненными изменениями.

2. Происходит «совмещение ролей»: люди стали использовать социальные роли и жизненные события, подходящие для совершенно других стадий жизни, чем та, в которой они находятся в данный момент. Например, получение образования может сочетаться с полной трудовой занятостью.

3. Увеличивается обратимость и нестабильность социальных ролей. Примером может служить возвращение в родительский дом взрослых детей, которые однажды уже пробовали начать жить самостоятельной жизнью, а также распространенная в современном обществе практика развода и повторной женитьбы.

4. Происходит размывание содержания и времени принятия социальных ролей и соответствующих жизненных событий. Например, все меньшее количество людей вступают в брак, все меньше времени занимает нахождение в супружеских отношениях [6; 7; 8; 10; 14].

Таким образом, индивидуализация жизненного пути проявляется в изменении времени принятия социальных ролей, несоблюдении социальных норм, увеличении беспорядка в жизненном пути, что приводит ко все большему отклонению от нормативных жизненных расписаний [10].

Обобщая сказанное выше, важно отметить, что на сроки наступления значимых жизненных событий в той или иной степени влияют имеющиеся у человека представления об «идеальном» или «правильном» возрасте для того или иного изменения. Эти представления реализуются в нормативных характеристиках времени и порядка наступления жизненных событий. Однако исследователи также говорят о наличии определенных темпоральных способностей личности, которые также влияют на то, «вовремя» или «невовремя» человек совершает определенные шаги на жизненном пути.

К.А. Абульханова и Т.Н. Березина, основываясь на результатах исследований, приходят к выводу о всеобщих типах личности, которые демонстрируют различное отношение личности к времени жизни и позволяют выявить дополнительные факторы, влияющие на степень нормативности – индивидуации жизненного пути.

Первый тип является опережающим объективным ход своей жизни. Он обладает способностями к актуализации и потенцированию времени. Именно эта глобальная временная особенность дает ему возможность предвидения, рефлексии и планирования. У таких людей настоящее детерминировано прошлым и будущим и осуществляется с предвидением последствий на основе целей и ценностей, имеющих личностный, мировоззренческий, духовный смысл.

Второй тип является запаздывающим. Он характеризуется консерватизмом, который проявляется не просто в привычке к прошлому, но однолинейной цепью детерминации. Для человека такого типа характерны уже сложившиеся социальные роли, не требующие трансформаций. Даже чуть изменившиеся обстоятельства жизни представляют для него неожиданность, угрозу, к которой он не готов. При объективном прерывании ритма, цикла он испытывает состояние диском-

форта – он не приспособлен к неопределенности и к изменениям.

Третий тип является своевременным. У него нет такого временного ресурса, как у первого типа, но он обладает неким внутренним потенциалом благодаря своей соразмерности.

По мнению авторов, потенциально существует и четвертый тип – человек, жизнь которого находится в остановившемся времени, хотя на эмпирическом уровне его существование доказано не было [1].

Таким образом, сроки наступления значимых жизненных событий регулируются не только возрастными нормами и ожиданиями, но и темпоральными особенностями самой личности, которые определяют, насколько легко человек способен ориентироваться во времени собственной жизни и принимать своевременные решения относительно значимых жизненных изменений.

Итак, тайминг, являясь одной из основных проблем теории жизненного пути, включает в себя нормативные характеристики времени наступления ключевых жизненных событий, а также их содержание и порядок реализации на разных этапах жизненного пути. Эти характеристики связаны с социокультурным и историческим своеобразием конкретной эпохи и проявляют характерные для нее традиционные и новаторские тенденции. Возрастные нормы и ожидания относительно жизненных расписаний играют важную роль в построении субъективной картины жизненного пути и в целом влияют на удовлетворенность жизнью. В современную эпоху постмодерна наблюдается все большее расшатывание нормативных жизненных расписаний. Жизненный путь человека становится все более варибельным и менее унифицированным феноменом. Наблюдается тенденция в «индивидуализации» жизненного пути, то есть к отхождению от стандартов жизненных расписаний, привычных для предыдущих поколений. В этом контексте вопрос о том, каково достаточное соотношение между уровнем стандартизации жизненного пути и его открытостью и вариативностью, где проходит граница между «нормативным» и «девиантным» отклонением от возрастных норм и ожиданий, остается открытым.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-06-00326.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова, К. А. Время личности и время жизни / К. А. Абульханова, Т. Н. Березина. – СПб.: Алетейя, 2001. – 304 с.
2. Бочавер, А. А. Метафора как способ внутренней репрезентации жизненного пути личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук / А. А. Бочавер. – М. : Московский городской психолого-педагогический университет, 2010. – 26 с.
3. Гришина, Н. В. Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация / Н. В. Гришина // Психологические исследования : электронный научный журнал. – 2011. – № 3 (17). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://psystudy.ru/0421100116/0029>. – Загл. с экрана.
4. Кузьминых, В. Н. Жизненный путь в контексте эволюции социальной теории / В. Н. Кузьминых // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – 2008. – № 4 (12). – С. 37–41.
5. Мещеркина, Е. Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий / Е. Ю. Мещеркина // Социологические исследования. – 2002. – № 7. – С. 61–67.
6. Elder, J. The Emergence and Development of Life Course Theory / J. Elder, H. Glen // Handbook of the Life Course. – N. Y. : Springer, 2003. – P. 3–19.
7. Fallo-Mitchel, L. Changes in the Timing of Female/Family Life-Cycle Events: On-Time vs. Off-Time? / L. Fallo-Mitchel // ETD Collection for Fordham University. Electronic text data. – Mode of access: <http://fordham.bepress.com/dissertations/AAI8020059>. – Title from screen.
8. Goldberg, W. A. Father Time: The Social Clock and the Timing of Fatherhood / W. A. Goldberg. – L. : P. Macmillan, 2014. – 160 p.
9. Jackson, P. B. The Structure of the Life Course: Gender and Racioethnic Variation in the Occurrence and Sequencing of Role Transitions / P. B. Jackson, A. Berkowitz // Advances in Life Course Research. – 2005. – № 9. – P. 55–90.
10. Macmillan, R. The Structure of the Life Course: Standardized? Individualized? Differentiated? / R. Macmillan. – University of Minnesota, Minneapolis, Elsevier, 2005. – 366 p.
11. Morgan, L. A. Aging, Society, and the Life Course / L. A. Morgan, S. R. Kunkel. – N. Y. : Springer, 2011. – 353 p.

12. Neugarten, B. L. The Changing Meanings of Age / B. L. Neugarten, D. A. Neugarten // *Psychology Today*. – 1987. – № 21. – P. 4–29.

13. Peterson, C. C. The Ticking of the Social Clock: Adults' Beliefs About the Timing of Transition Events / Peterson, C.C. // *Int J Aging Hum Dev*. – 1996. – № 42 (3). – P. 189–203.

14. Richard, A. Age Structuring and the Rhythm of the Life Course / A. Richard, Jr. Settersten, J. T. Mortimer, M. J. Shanahan // *Handbook of the Life Course*. – N. Y. : Springer, 2003. – P. 81–98.

15. Rook, K. S. The Timing of Major Life Events: Effects of Departing from the Social Clock / K. S. Rook, R. Catalano, D. Dooley // *American Journal of Community Psychology*. – 1989. – № 17. – P. 233–258.

16. Schlossberg, N. Happiness Relates to Whether You Are «Off-Time», «On-Time», «Out of Time» / N. Schlossberg // *Psychology Today*. – 2011. – № 4. – P. 18–41.

REFERENCES

1. Abulkhanova K.A., Berezina T.N. *Vremya lichnosti i vremya zhizni* [Personal Time and Lifetime]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2001. 304 p.

2. Bochaver A.A. *Metafora kak sposob vnutrenney reprezentatsii zhiznennogo puti lichnosti*. Avtoref. dis. ... kand. psikholog. nauk [Metaphor as a Way of Inner Representation of Person's Life Course. Cand. psychol. sci. abs. diss.]. Moscow, Mosk. gorod. psikhologo-pedagogicheskiy un-tet Publ., 2010. 26 p.

3. Grishina N.V. Zhiznennyye stsennariy: normativnost i individualizatsiya [Life Scenarios: Normalization and Individualization]. *Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 2011, no. 3 (17). Available at: <http://psystudy.ru/0421100116/0029>.

4. Kuzminykh V.N. Zhiznennyy put v kontekste evolyutsii sotsialnoy teorii [Life Course in the Context of the Evolution of Social Theory]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni*

N.I. Lobachevskogo. Seriya Sotsialnye nauki, 2008, no. 4 (12), pp. 37–41.

5. Meshcherkina E.Yu. Zhiznennyy put i biografiya: preemstvennost sotsiologicheskikh kategoriy [Life Course and Biography: Succession of Sociological Categories]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2002, no. 7, pp. 61–67.

6. Elder J., Glen H. The Emergence and Development of Life Course Theory. *Handbook of the Life Course*. New York, Springer, 2003, pp. 3–19.

7. Fallo-Mitchel L. Changes in the Timing of Female/Family Life-Cycle Events: on-time vs. off-time? *ETD Collection for Fordham University*. Available at: <http://fordham.bepress.com/dissertations/AAI8020059>.

8. Goldberg W. A. *Father Time: The Social Clock and the Timing of Fatherhood*, London, P. Macmillan, 2014. 160 p.

9. Jackson P. B. The Structure of the Life Course: Gender and Racioethnic Variation in the Occurrence and Sequencing of Role Transitions. *Advances in Life Course Research*, 2005, no. 9, pp. 55–90.

10. Macmillan R. *The Structure of the Life Course: Standardized? Individualized? Differentiated?* University of Minnesota, Minneapolis, Elsevier, 2005. 366 p.

11. Morgan L.A. *Aging, Society, and the Life Course*. New York, Springer, 2011. 353 p.

12. Neugarten B.L. The Changing Meanings of Age. *Psychology Today*, 1987, no. 21, pp. 4–29.

13. Peterson C.C. The Ticking of the Social Clock: Adults' Beliefs About the Timing of Transition Events. *International Journal Aging. Hum. Dev.*, 1996, no. 42(3), pp. 189–203.

14. Richard A. Age Structuring and the Rhythm of the Life Course. *Handbook of the Life Course*. New York, Springer, 2003, pp. 81–98.

15. Rook K.S., Catalano R., Dooley D. The Timing of Major Life Events: Effects of Departing From the Social Clock. *American Journal of Community Psychology*, 1989, no. 17, pp. 233–258.

16. Schlossberg N. Happiness Relates to Whether You Are “Off-Time”, “On-Time”, “Out of Time”. *Psychology Today*, 2011, no. 4, pp. 18–41.

TEMPORAL AND EVENT NORMS OF LIFE COURSE: TIMING

Kurysheva Olga Vasilyevna

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Department of Psychology,
Volgograd State University
o.kurysheva@yandex.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Zmievszkaya Anastasiya Aleksandrovna

Educational Psychologist, MEI “Nursery School no. 368”
nastya-psycholog@mail.ru
Bystrova St., 56, 400059 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article presents the theoretical analysis of temporal and event norms of life course in the context of foreign approach, called “timing”. Timing includes normative characteristics of the time when key life events occur and their content and order of realization at different stages of life. In the basis of the theory, timing is the assertion that the same life event can have a completely different effect on a person’s life depending on the time when they occurred.

It is proved that following to normative life schedules plays important role in building the subjective image of life course and influences social well-being and satisfaction with life. The modern transformations of the regulatory characteristics of life course inherent in postmodern society are analyzed. They include the diffusion of regulatory trajectories, the variable nature of life schedules, destandardization of life course. In conclusion the phenomenon of individualization of life course is discussed.

Key words: life course, age norms, timing, life schedules, social clock, individualization of life course.